

имѣть всѣ истинныя свойства и признаки любви; у Толстого же любви, собственно говоря, нѣтъ вовсе; у него она обращена въ самый грубый и всепоглощающій эгоизмъ.

Такое искаженіе христіанскаго ученія о любви къ Богу для Толстого—повторяемъ—было неизбежно, когда онъ потерялъ вѣру въ живаго Бога, въ Его личное и отдѣльное бытіе. Это—участъ каждаго пантеистическаго философа. Если Бога нѣтъ, то Его мѣсто долженъ занять человѣкъ съ усвоеніемъ ему всего того, что должно принадлежать только единому Богу; поэтому и любовь къ Богу у пантеистовъ непремѣнно переносится на человѣка. Напрасно только трудился Толстой, опровергая позитивистовъ, замѣняющихъ христіанское ученіе о любви къ Богу ученіемъ о любви къ человѣчеству. Онъ не разошелся съ ними, хотя, повидимому, и хотѣлъ бы это сдѣлать. Отказавшись отъ вѣры въ бытіе личнаго Бога, и онъ поставилъ на Его мѣсто лишь самаго себя, человѣка. Какъ мы видѣли, по его собственнымъ словамъ ¹⁾, человѣкъ есть не что иное, какъ самъ Богъ, такой же точно Богъ, какъ и Отецъ, но только заключенный въ животную оболочку. Этого-то бога Толстой лишь и знаетъ, его онъ только и любитъ, ему онъ только и поклоняется и служитъ...

Говоря о римскихъ идолопоклонникахъ, олицетворявшихъ въ своихъ богахъ себя самихъ или идею человѣчества, заключенную въ чувственную оболочку, и поклонявшихся, очевидно, только себѣ или идеѣ человѣчества, св. Апостоль Павелъ говорилъ: „они, познавши Бога, не прославили Его, какъ Бога, и не возблагодарили, но осуетилось въ умствованіяхъ своихъ, и омрачилось несмысленное ихъ сердце; называя себя мудрыми, обезумѣли, и славу нетлѣннаго Бога измѣнили въ образъ, подобный тлѣнному человѣку... Они замѣнили истину Божию ложью... И какъ они не заботились имѣть Бога въ разумѣ, то предалъ ихъ Богъ превратному уму“ (Рим. 1, 21.—23. 25. 28).

Толстой и толстовцы, какъ можно было видѣть изъ сказаннаго, недалеко ушли отъ древне-языческихъ идолопоклонниковъ, „преданныхъ превратному уму“...